Толстой Лев Ник.
(дом-музей)

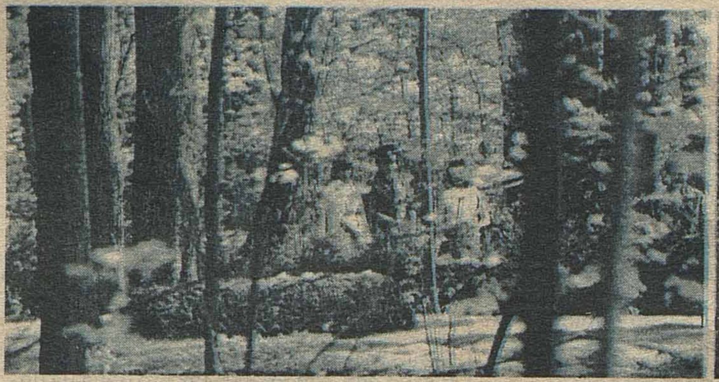
02.10.98

86

Олег ПАВЛОВ

Лит. Россия.—1998—2 окт.—с.4

ДЕЛО Владимира ТОЛСТОГО



ТВОРЦОМ своего «возвращения в настоящее» Владимир Толстой с первых ответственных шагов оказался сам. Никакой судьбы, счастливого случая, провидения и прочего не было в том его поступке, когда он, молодой журналист с самой звучной в России фамилией, опубликовал много лет назад в полусоветской еще «Комсомольской правде» статью свою в защиту Ясной Поляны. От усадьбы втихомолку урезались куски земли и происходило еще много чего безобразного, о чем и заявил во всеуслышание не кто-нибудь, а прямой потомок великого русского писателя.

Всех Толстых после этой статьи вполне могли б обвинить в безответственности и своекорыстии, постаравшись отбить само желание у них что-то заявлять и требовать; как поставило от себя Советское правительство памятник надгробный Гоголю, так и очень был близок Лев Николаевич к такому сиротскому увековечению. Толстые ж и вправду защищали свое, потому как отделить себя от Ясной невозможно было тем, кого соединяла с этой землей духовная и кровная связь родства. Род Толстовский — в этом духе один из выдающихся, такого нет ни у одного русского классика. Толстой, сам укоренившись в родовом поместье, укоренил на этой земле и все свое потомство. Для всех нынешних и будущих Толстых Ясная Поляна — это их родина, хоть сами они и разбросаны по всему свету. Это, верно, и стало понятно государственным нашим мужам: автору громогласной статьи в «Комсомольской правде» было неожиданно предложено стать государственным управляющим в музее-усадьбе, а иначе сказать — им, Толстым, в лице одного из них предложено было нести полную моральную ответственность за судьбу Ясной Поляны при том, что вершить эту судьбу по-прежнему должны были б те же самые чиновники.

Владимиру Толстому была уготована всего лишь роль исполнителя, но этот человек совершил другой поступок: одну за одной он стал рвать ниточки, освобождаясь не иначе как из паутины всеобщей безответственности. Он очень многое стал на себя брать. Здесь невидимые кукловоды рассерженно очнулись, взялись за бразды — и Владимира не то чтоб ощутимо, резко одернули, а вздернули уж как на дыбу. Способ был тот же, каким сам он когда-то воспользовался, чтоб быть услышанным, но теперь градом газетных разоблачений некие псевдонимы да анонимы встали на защиту Ясной Поляны от самих Толстых: приводились в тех статейках данные о немыслимых растратах и прочее, а пафос был тот, что потомками Толстого растрачены огромные государственные средства, выделенные на музей.

Пытка таким позором — это уж на убой. Вся история нынешнего года должна была окончиться изгнанием Владимира Толстого из Ясной Поляны. Если это не произошло, то из-за невероятной его собственной стойкости, и здесь уж он один сопротивлялся, только своими человеческими силами, гнету всей этой кафкианской чиновничьей машины, включившейся во всю мощь именно для того, чтобы спрессовать одного чужеродного ей человека в мокрую лепешку. Однако ж небольшого росточка, хрупкий даже на вид человек все э т о выдержал до конца, так что просто не оказалось больше ни сил, ни способов, чтобы его расплющить.

Но вся эта прошлая история не есть факт противостояния наследных хранителей некоей исторической и духовной ценности и государства. Здесь Владимир Толстой, возможно, и неожиданно для самого себя, оказался именно в положении простого смертного директора музея, каких сотни.

Он начал вести музейное дело так, как никогда еще не бывало в России. Он просто оказался первым на этом пути — и его, как первого показавшегося, принялась раздавливать вся та закостенелая монолитная масса, основание которой вдруг потревожилось. Как и во многих областях, в музейном деле вопрос стоит о выживании и о невозможности старых порядков. У государства давно нет денег, чтобы содержать музеи, однако ж есть охота всем в их жизнедеятельности управлять — и все музеи в России, не только Ясная Поляна, застыли опустошенно над той пропастью, которую неведомо, как и одолеть. В силу ясных обстоятельств ни один музей в России не может обрести полную свободу и сделаться частной собственностью, чтобы выжить, но и оставаясь целиком в собственности и распоряжении государства, ни один музей возможности выжить в будущем уже не имеет.

На наших глазах оказывается весьма расплывчатой даже судьба музеев и хранилищ национального масштаба. Только отстроили, чуть не лопнув от натуги, Третьяковку, как уже спустя короткое время не было денег платить милиции за ее охрану и прочее. Решение о передаче музеев из федерального (понимай — всероссийского, национального) подчинения на прокорм тем республикам и областям, где они расположены, только продлевает их агонию и даже усугубляет множество вопросов. Уже имеют место тяжбы музеев за земельные свои наделы с теми ж местечковыми хозяйчиками районов и областей. Уже и так мало что остается в России вообще скрепляющего, общего, и разделение учреждений культуры — это незримый, но уже и необратимый в будущем раздел русской культуры на «культурки» областного да республиканского значения.

Вопрос в том, что в музейном деле, как и во всех областях, в советское время распределяли и властвовали, но уже и во время нынешнее в этой области культуры остался царствовать прежний порядок. Только распределяются нынче крохи. Притом директор имеет право только прожить эти крохи: истратить, как велят многочисленные кормящиеся распределением крохотных тех благ чиновники.

Владимир Толстой был первым в своем музейном деле, кто вздумал просить денег не на прожитие, а, собственно, на дело, и его программа развития Ясной Поляны назначена была в будущем приносить музею прибыль! Ему дали денег, а он вложил эти деньги не в побелку стен да латание крыш, а в подобие производства, заставив государство поневоле сделать то, что называется у нас «инвестициями». Если ж и каждый директор каждого музея начнет по своему разумению управлять теми деньгами, что ему даны, то тогда нечего станет делать чиновникам — кроме тех, которые смогут понимать, как тратить деньги, чтобы это приносило государству доход. И это должны быть чиновники уже, мягко говоря, иначе и современней образованные, потому что наука управлять деньгами — это не та филькина грамота из «пущать» и «не пущать», когда управляют, как марионетками, людьми.

Когда возникает деятельность хозяйственная, то у музеев возникают и общие жизненные интересы — и вот создается ассоциация музеев, главой которой избирается Владимир Толстой. И опять же: музейное дело в России тем самым еще ощутимей отстранилось от чиновников. Но и выхода другого нет. Учреждения культурного значения обязательно должны остаться в собственности государства, но только для того, чтобы государство самым надежным образом охраняло их от разграбления, осознавая именно в этой миссии служения и единственную свою привилегию; а вопрос гособеспечения, когда это только возможно, должен решаться как вопрос госинвестиций, то есть вложения денег для их отдачи в отобранные и тщательно выверенные программы или проекты.

Все, что наживает или приобретает Владимир Толстой, принадлежит и в последующем только государству. Вся его предприимчивость имеет целью, что еще ясней, не извлечение просто прибыли и прочее, а использование тех мечтаний, которые приходят на ум и в душу человеку, ответственному за огромную часть толстовского духовного и материального наследия сегодня. И здесь задуманное и сделанное уже лично им, Владимиром Толстым, — от отстройки культурного центра на Октябрьской улице, известного всей Туле, до ежегодных международных яснополянских писательских встреч и возобновления издания «Ясной Поляны», — это тоже поступок.

Лучики многих этих дел уходят будто бы во внешний для самой Ясной Поляны мир, отчего многим так и кажется, что в никуда. Но вот приехали в Ясную писатели — для них праздник. А приехали писатели в тульские школы, университеты, библиотеки — об этом там после помнят, и это общение ежегодное входит уже для Тулы в обычай. В книжной лавке на Октябрьской можно купить лучшие изданные в России книги и все изданное или издаваемое по Толстому, и этой лавкой еще читающие серьезную литературу люди только и питаются духовно. Одна она такая в городе. Содержать ее возможно только в убыток, но ее содержат для общей пользы читающих людей, питая ту среду культурную, что окружает Ясную Поляну. Эта книжная лавка существует для студентов и преподавателей Университета имени Толстого и Пединститута имени Толстого и вообще для людей, стремящихся к знанию и творческих, знающих здесь, в Туле, о Толстом, наверное, с рождения. Там же галерея — приют для художников. Там же будет открыта уже публичная библиотека; и снова цель — на пользу людям.

И было удивительно, необычно видеть, как вся Тула нынешней осенью праздновала стосемидесятилетие со дня рождения Льва Николаевича Толстого, будто он был основателем города. И праздновали именно с в о е г о Толстого, что ни в жизнь бы не случилось, не окажись Толстой в городе действительно за все эти годы своим, сойдя с унылых, мертвенных пьедесталов времени прошлого. Но в том и правда: все им основано и в Туле, и в той области вокруг Тулы будто бы заново. И нашелся человек, который, возвратившись в свое настоящее, оживил и для всех это настоящее, — так вот, волей-неволей, но и сам Владимир Ильич Толстой стал для этих мест уже своим Толстым.

Глупцы, глядя на этот праздник как на ярмарку, могут брезгливо фыркать, взывая к духу Льва Николаевича, того не понимая, что Толстой, может быть, теперь жив не иначе, как в людях. Сделанное теперь реально в Ясной Поляне для людей, даже для удобства их — это все, что возможно сделать и для памяти Толстого. Владимир Толстой совершил для себя в том нравственный, а не какой бы то ни было другой выбор, потому что, совершая такой выбор, только утяжелил свою жизнь и обзавелся еще большей ответственностью. Была б у него та же зарплата, те же льготы, как у директора, — и жил бы спокойно. Но вместо этой вольготной для себя одного жизни, уготованной чинуше, он делает в Ясной Поляне и вокруг нее все возможное по своим силам — все возможное для людей и ради людей, единственно дающих жизнь и будущность тому, что на сухом языке формуляров зовется «музей-усадьба».